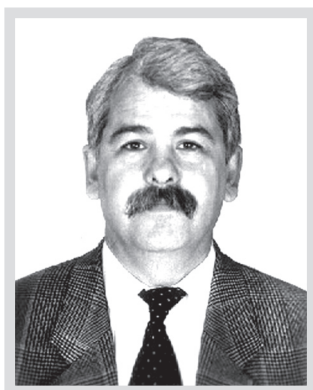

Идея народного представительства в России в 1904 – 1905 гг.: от совещательной к законодательной модели

Циунчук Р.А.

Доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории исторического факультета Казанского государственного университета

В статье рассматривается актуальная проблема адаптации и практической реализации в российской политико-правовой системе начала XX века идей выборного представительства. Представленное современное научное осмысление содержания и генезиса первого российского парламента – Государственной думы дает возможность глубокого понимания феномена российского парламентаризма в контексте российского политического процесса и осуществления законотворчества. Обращено внимание на взаимодействие в процессе законотворчества отечественных традиций политико-правовой мысли и европейского парламентского опыта. Выявляются активные участники этих процессов, а также особенности и характерные черты складывавшейся отечественной выборной системы и компетенции народного представительства.

Исследование истории модернизационных и реформаторских процессов в России XIX–XXI вв. предполагает осмысление судеб неразрывного комплекса демократических идей, которые пробиваются в российскую социально-экономическую и политическую жизнь уже более двухсот лет и составляют теоретико-практическое достояние отечественной и мировой общественно-политической мысли. В политике – это установки на демократическое разделение властей и парламентаризм. Как показала практика многих стран, именно эти идеи позволяют формировать гибкий механизм политического взаимодействия власти и общества, достаточно эффективно организовывать и регулировать многообразные формы жизни государства и общества, понижать уровни конфликтности социума, поддерживать рациональный баланс между традициями и новациями в процессе общественной модернизации. Характерно, что усиление общественного и научного интереса

к истории становления и развития, к практической адаптации и реализации идей народного представительства в отечественной политико-правовой мысли и государственно-правовой практике фактически совпадало с важными периодами политической модернизации и практическим осуществлением идей народного представительства: с учреждением Государственной думы в 1905–1906 гг. [1–13]; с «перестроечной» попыткой сконструировать «советскую модель парламентаризма» в конце 1980-х гг. [14–18]; с воссозданием законодательной Государственной думы в системе политической власти современной Российской Федерации [19–35].

103 года назад, в бурные дни 1905 года, российская власть, очнувшись от политической латаргии десятилетий застоя, обнаружила, что на огромном старозаветно устроенном российском императорском дворе уже наступил XX век. Новой влиятельной силой ощутило себя и общество. Пришедшая эпоха жестко поставила стра-

ну перед немедленным выбором: либо занять авторитетное место в мире, адаптировав модель, основанную на саморегуляции общества посредством рынка, демократии и разделения властей, либо остаться на обочине мирового развития, но всеми силами сохранить традиционные социально-экономические отношения и отжившую самодержавную имперскую форму правления.

Истоки кризиса проистекали из предшествующих двух десятилетий XIX века и были связаны с резким усилением разрыва между динамично развивающейся экономикой, запаздывающим сельским хозяйством и приходящей в упадок законсервированной самодержавной политической моделью власти. Новый (и как оказалось последний) российский император Николай II, вступивший на престол за шесть лет до начала нового XX века, не мог увидеть и понять реальностей новой эпохи и намеревался править страной прежними абсолютистскими методами. Игнорируя общественные ожидания либерализации самодержавной системы, вновь оживившиеся в связи с его приходом к власти, а также просьбы земских деятелей о введении элементов выборного представительства при обсуждении государственных вопросов, Николай II в 1895 году твердо заявил представителям земств и городов: “Мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления, пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия, так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель” (имелся в виду Александр III – *Р.Ц.*) [36].

Действительно, полученная Николаем II в наследство самодержавная власть казалась ему вечной, монополитно нерушимой. Все государственные институты империи – Государственный совет, министерства, Сенат, а также Синод были полностью подотчетны только самому монарху. Император обладал также всей полнотой неразделенной законодательной и исполнительной власти, благодаря чему самостоятельно направлял внутреннюю и внешнюю политику и формировал по своему усмотрению

всю высшую бюрократическую (гражданскую и военную) элиту российского государства. Особую роль в самодержавном властном механизме играли два бюрократических аппарата, имевшие особое значение для контроля над политической жизнью и особое влияние на нее (нередко, даже на решения самого императора): организационно-кадровой – Собственная его императорского величества канцелярия и организационно-репрессивный – министерство внутренних дел. “Первое и самое существенное благо для народа, – убеждал консервативный член Государственного совета наставник Александра III и Николая II К.П. Победоносцев, – прочность царствующей династии и соединенная с нею твердость законного правительства” [37, с. 939]. Конечно, для императора Николая II этот тезис звучал политической аксиомой.

Однако прав был один из основателей политической социологии А.Токвиль, который, осмыслив пути эволюции от абсолютизма к демократии, указывал на два политических института, способные противостоять тирании, победить нового Левиафана деспотизма – это местное самоуправление и добровольные гражданские и политические ассоциации [см.: 38, с. 486-487]. Такие силы появились и в России. Даже в условиях ограниченных гражданских свобод земское самоуправление и развивавшиеся на его базе “неформальное” земско-конституционное движение начинали к концу XIX века оказывать на власть все более заметное воздействие.

Новое социальное качество общества не находило отражения в политической системе: формирующиеся на грани веков либеральные политические движения (“Союз освобождения”, “Союз земцев-конституционалистов”) структурируются неофициально, не имея возможности конституционно войти в политический процесс и привыкают действовать нелегально-оппозиционно, более радикальные социалистические партии (партия социалистов-революционеров, РСДРП) глубоко конспирируются и развивают российские традиции заговорческо-террористической борьбы с властью.

Первые массовые общественные выступления 1899-1903 гг. с усиливающимися требованиями политических реформ продемонстри-

ровали не просто стихийное недовольство, но указали на нарастание “кризиса легитимности” традиционной самодержавной системы. Власть теряла управленческую способность, не могла выражать властно значимые интересы большинства населения и хотя бы внешне продемонстрировать целостность системы. Она не могла даже обеспечить личную безопасность своих министров и противостоять волне революционного террора (убийства эсерами министров внутренних дел Д.С. Сипягина в 1902 г. и В.К. Плеве в 1904 г.).

Идея “народного представительства” вновь встает в повестку дня политической жизни Российской империи, которая по признанию широко известных в те годы французских правоведов Ф. и П. Дарест “одна лишь сохраняла в Европе систему абсолютной монархии” [39, с. 12].

В условиях нарастания всеобщего политического кризиса в России 1904-1905 гг. идея народного представительства стала приобретать новое качественное содержание. Во-первых, российская политико-правовая мысль, обгоняя отечественные политические процессы, обеспечила научную базу политическим движениям и предполагавшимся правовым реформам. Конституционалистская общественная мысль уже в начале XX века вышла на концептуальное осмысление проблем демократии и народного представительства (трехтомное исследование М.М. Ковалевского “От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму”, научные сочинения Б.А. Кистяковского, П.И. Новгородцева, М.Я. Острогорского) [6, 40-42]. Было развернуто широкое изучение (и пропаганда) опыта европейского и американского парламентаризма (Н.И. Кареев, А.К. Дживелегов, М.А. Рейснер, Н.И. Лазаревский, В.В. Водовозов, С.А. Котляревский, В.М. Гессен, Н.П. Дружинин) [43-50], а также исследование традиций представительных и демократических институтов в России на фоне истории конституционных проектов ограничения самодержавия XIX-XX века (А.А. Корнилов, П.Н. Милуков, М.Н. Покровский, С.Г. Сватиков, Г.Ф. Шершеневич, В.Е. Якушкин) [7, 11, 51-54].

Во-вторых, идея народного представительства достигает нового уровня распространения

(особенно в связи с ослаблением цензуры в 1905 г.) и впервые становится доступной широким массам. Никогда за всю историю России политическая литература, посвященная народному представительству, парламентаризму не издавалась в таком количестве и не пользовалась таким спросом. Знакомство россиян с основами конституционного государственного устройства могло служить основой формирования начал массовой демократической политической культуры.

В-третьих, распространение идей народного представительства способствовало более острому размежеванию между консервативными и эволюционистскими силами, как в обществе, так и во властной элите.

В-четвертых, идея политической модернизации посредством представительного ограничения монархии становится консолидирующим фактором всего общественного движения и его отдельных (прежде всего либерально-демократических) течений.

В-пятых, идея представительства, воспринятая в условиях политического конфликта расколотым российским обществом и властью (одними – свободно и доброжелательно, другими – вынужденно и неприязненно) как способ предотвратить дальнейший кризис, начала звучать и трансформироваться в различных контекстах и политических версиях: от “единообразного” приглашения выборных депутатов на общеперский Земский собор – съезд для поднесения императору своих ходатайств до предложений конституционной монархии и даже парламентской республики.

Кризис “замороженных” реформ и политики “отложенной” модернизации, захвативший 13 лет правления Александра III и почти 10 лет (со времен отказа в 1895 г. допустить земских выборных к диалогу с властью) в правление Николая II, вынудил российскую политическую элиту и самого “монарха самодержавного и неограниченного” вернуться к проблеме “народного представительства”.

Итак, динамика политической борьбы вокруг идеи народного представительства в России, развернувшейся на рубеже веков, отражала изменение вектора двух противоборствующих политических тенденций: демократической – к

складыванию гражданского общества, правового государства и парламентской системы для регулирования политической жизни и антидемократической – к консервации абсолютизма и отрицанию применимости парламентских моделей для самобытного бесконфликтного “самодержавно-народного” строя. Развитие политического процесса и полемики вокруг идей представительства в течение непродолжительного периода (1904-1905 гг.) прошло четыре основных этапов, на каждом из которых менялось состояние режима и социально активных сил, а идея представительства эволюционировала и наполнялась новым содержанием: первый – август-декабрь 1904 г.; второй – январь-август 1905 г.; третий – август-октябрь 1905 г.; четвертый – октябрь-декабрь 1905 г.

В предшествующее реформам первое десятилетие правления Николая II (1894 – середина 1904 гг.) достаточно сильно проявлялась антидемократическая тенденция, связанная с игнорированием идей народного представительства и подавлением любых попыток поставить под сомнение самодержавную политическую модель. Именно в это время в связи со сменой монарха и определенным социальным оптимизмом общества на фоне умеренно напряженной политической ситуации была утеряна возможность формирования более устойчивой политической структуры и соединения финансово-промышленной модернизации с выверенными и последовательными политическими и социальными реформами.

Первый период адаптации и практического развития идей народного представительства (август – декабрь 1904 г.) был связан с провозглашением новым министром внутренних дел князем П.Д. Святополк-Мирским “эпохой доверия” и нерешительной попыткой правительства наладить диалог либеральной бюрократии с земским движением. Правильно рассматривая земское движение как новый альтернативный бюрократической власти и легальный центр политической жизни и отмечая его нарастающую оппозиционность, П.Д. Святополк-Мирский намеревался некоторыми уступками устранить остроту конфликта двух генетически противоположных институтов: всемогущего, но приходящего в упадок наследственно-тра-

диционного самодержавия и набирающего авторитет, единственного в традиционалистской политико-правовой системе легально-рационального института – выборного земства. В рамках земского движения начала формироваться новая, неноменклатурная контрэлита, весьма политически активная со своей достаточно высокой демократической политической культурой. Идея народного представительства занимала ключевое место в программных требованиях политических союзов выросших из земского движения. “Союз земцев-конституционалистов” (ноябрь 1903 г., князь Д.И. Шаховской, князя братья Петр и Павел Дмитриевичи Долгоруковы) ставил своей целью подготовку широких конституционных выступлений в земствах. II съезд Союза в феврале 1904 г. в обращении “К русскому обществу” предлагал царю созвать “народное представительство” для “органического единения монарха с народом”. “Союз освобождения” (январь 1904 г., И.И. Петрункевич, Н.Ф. Анненский, Н.П. Миллюков) отстаивал идею представительства в более последовательном виде парламентаризма, предполагая, что Учредительное собрание должно выработать конституцию и избирательный закон по выборам в законодательное представительство, а кабинет министров, по их мнению, должен был быть ответственным перед парламентом.

Главными задачами созданного под руководством двух “союзов” Всероссийского съезда председателей губернских земских управ и земских деятелей (ноябрь 1904 г.) явились консолидация земского политического движения, формулирование его политической воли и представление своих политических интересов и решений верховной власти, государственным институтам и обществу. Обсуждая полномочия желаемого выборного представительства, одна часть депутатов выступила за широкий объем законодательных функций, другая (во главе с будущим лидером октябристов Д.Н. Шиповым) соглашалась на совещательный вариант. Большинство поддержало идею законодательного представительства “как особого выборного учреждения, в осуществлении государственной росписи доходов и расходов и в контроле за законностью действий администрации” [55,

с. 30]. Данная резолюция определила рамочную модель желаемого устройства, оставляя правительству значительный простор для политико-правового маневра (система представительства, избирательная процедура, полномочия императора и правительства). Заявлениями о том, что изменение государственного порядка должно произойти по инициативе – почину монарха (как это традиционно происходило в России со времен Ивана IV Грозного, Петра I, Александра II), земцы, с одной стороны, демонстрировали лояльность к власти, с другой стороны, стремились поддержать реформаторские силы в правительстве, фактически надеялись привнести идею народного представительства в политический лексикон самого императора. Поэтому характерно, что главный пафос борьбы земцы направляли не на “неограниченного самодержавца”, а на “бюрократический строй” и административный произвол.

На съезде наряду с организационными вопросами подробно обсуждался проект “Основного закона”, явившийся, по мнению историка К.Ф. Шаццло, “первым проектом конституции, из которого впоследствии выросли все освободительские и кадетские проекты” [56, с. 197]. Из соображений конспирации текст проекта, авторство которого признается за группой либеральных правоведов под руководством приват-доцента Московского университета Ф.Ф. Кокошкина, получил заглавие “Об австрийской избирательной реформе, из сочинений Геллера”. Документ предполагал такие актуальные направления политического реформирования как введение основных политических свобод, созыв двухпалатного народного представительства, создание объединенного кабинета министров. Нижняя палата должна была избираться всеобщим тайным голосованием на 5 лет (для “сознательных” районов предполагалось прямое голосование, для “прочих” допускались двухступенчатые выборы). Верхняя палата – Госсовет должна была выбираться от земств (которые следовало организовать повсеместно), городских дум и университетов. Предусматривалось преобразование Сената в верховную конституционную и судебную инстанцию в составе двух палат (верхней – Кассационного суда, полностью назначаемо-

го монархом и нижней – Высшего суда, члены которого назначались равными частями императором, верхней и нижней палатой). Проводя принцип народного представительства и разделения властей, авторы в то же время сохраняли сильную монархическую (в лице императора) и исполнительную (в лице министров во главе с министром-президентом) власть. Император определял направления политики, назначал правительство, глава которого контрассигновал акты, исходящие от монарха. В ситуациях парламентского кризиса министр-президент имел право распустить обе палаты, но при вторичном возникновении конфликта с вновь избранным представительством сам должен был покинуть свой пост. Проект предполагал развитие местного самоуправления и широкую автономию для Польши и Финляндии.

Важную роль в развитии российской конституционной теории начала XX века сыграл проект “Основного государственного закона Российской империи” (с подзаголовком “Проект русской конституции, выработанной группой членов “Союза Освобождения”) [57], подготовленный в октябре 1904 г. и изданный за границей в марте 1905 г. с предисловием бывшего приват-доцента Петербургского университета, видного либерального публициста П.Б. Струве. Фактически это был первый опубликованный под названием конституция обстоятельный российский конституционный проект, который оказал заметное влияние на последующие общественные и, отчасти, официальные конституционные программы и документы. На основе этого проекта в течение конца 1904-1905 гг. две группы будущих идеологов кадетской партии (петербургская в составе В.М. Гессена, Н.Ф. Анненского, И.В. Гессена и московская в составе Ф.Ф. Кокошкина, П.Н. Новгородцева, С.А. Котляровского, И.И. Петрункевича, Г.И. Шредера, С.А. Муромцева при активном участии В.В. Водовозова) дорабатывали документ, ставший основой последующих освободительских и кадетских проектов конституции России. Брошюра содержала целый комплекс политико-правовых материалов – предисловие редактора “Освобождения” (П.Б. Струве), предисловие авторов, введение и два проекта – “Основной Государственный закон Российс-

кой империи” и “Избирательный закон”. Тексты каждого из законов комментировались по большинству важнейших пунктов и вместе с объяснительной запиской аргументировали рекомендуемые формулы, вводя, таким образом, читателя, в научную лабораторию разработчиков. Сильной стороной проекта являлась обстоятельная расшифровка гражданских прав и свобод на уровне современной моменту европейской практики.

Ключевую роль играл «Основной Государственный закон Российской империи» как закон государства конституционно-монархического типа, “где верховная власть осуществляется императором при участии Государственной думы, состоящий из двух палат: палаты народных представителей и Земской палаты”. Однако отсутствие в тексте термина конституция, вышеупомянутая формула “при участии Государственной думы” наряду с комплексом прерогатив императора (“верховного главы государства”) – утверждение и обнародование законов, объявление войны и мира, созыв и роспуск Думы, назначение и увольнение министров свидетельствовали о сохранении в предлагаемом проекте достаточно сильной монархической власти (сходной с правами прусских королей по Конституции 1850 г.). При этом монархическая власть заметно ограничивалась парламентом (Государственной думой), состоящей из избираемых всеобщими, равными, тайными выборами Палаты народных представителей (примерно 622 члена сроком за 3 года) и Земской палаты (269 государственных гласных на срок действия местных органов самоуправления), тайно избираемых от губернских земских собраний и городских дум всей Российской империи. Можно отметить, что всеобщая схема выборов и трехлетний срок нижней палаты сближал проект с Конституцией Германии 1871 года, а существование выборной Земской палаты представляло развитие принципов, предлагавшихся проектом австрийской Конституции 1848, Конституцией Голландии 1887 г. и, отчасти, Конституцией Германии 1871 года. Во главе каждой из палат предполагалось поставить выборных президентов, вице-президентов (также термин из германской модели парламентаризма). Проект вводил по образцу европейских принцип контрасти-

нации актов императора путем скрепления каждого из них подписью министра; договоры с иностранными государствами, подписанные императором, должны были подлежать ратификации Думой. Полномочия министров, как и в прусской Конституции 1850 г., прописывались кратко, однако обстоятельнее раскрывалась их ответственность перед парламентом и процедура привлечения их к ответственности. Проводилась идея объединения министров в Совет министров во главе с канцлером (также германское заимствование). Предполагалось развитие местного самоуправления вплоть до волостного уровня и возможность создания межгубернских земских союзов, оговаривался особый статус Финляндии. Для защиты конституционных законов вводился Верховный суд. Изменение Основного закона предусматривалось после двухкратного обсуждения Думой сроком через полгода и голосование двумя третями каждой палаты (практика, близкая многим европейским конституциям). Единственно правильным путем выработки и приведения в действие Основного закона авторы считали созыв на основе всеобщих демократических выборов Учредительного собрания.

В ноябре 1904 года одновременно с программным обращением земств к царю с ходатайством об учреждении представительного органа с парламентскими полномочиями министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским была подготовлена записка императору, главным пунктом которой было предложение половинчатого представительства о включении выборных от земств и городов в работу Государственного совета на правах членов отдельных департаментов или общего собрания сроком на 3 года [58, с. 253]. Этот вариант фактически дублировал “Лорис-Меликовскую конституцию” и при сохранении прежнего статуса Госсовета и неограниченной власти монарха, на деле не обеспечивал реализации (на уровне требований начала XX века) принципов разделения властей и народного представительства. Однако и такое предложение оказалось чересчур смелым для Николая II, который после интенсивных совещаний с высшими сановниками и серьезных колебаний согласился на большинство частных предложений (уравнять крестьян с други-

ми сословиями, обеспечить большую веротерпимость, расширить компетенцию местного самоуправления, ослабить цензуру), но воспротивился главному – допущению элементов выборного представительства на высшие этажи авторитарной пирамиды. В проекте Указа от 12 декабря 1904 г. “О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка” вместо первичной формулировки “Установить способы привлечения местных учреждений [и их представителей] к участию в первоначальной разработке законодательных предначертаний наших” царь сначала заменил слово “наших” на фразу “по делам нами указываемым”, а потом, отметив собеседникам, что “лучшие не выборные, а по назначению”, собственной рукой вычеркнул весь пункт о представительстве полностью [15, с. 35-38]. Отвечая на предупреждение С.Ю. Витте (кстати, включавшего первоначальную формулировку в проект) о том, что введение земского представительства со временем подведет к конституции, Николай II заявил, что на “представительный образ правления” не согласится никогда и ни при каких обстоятельствах [59, с. 335].

Второй период развития политического процесса и политической борьбы охватил период с января по август 1905 года. Отказ Николая II принять предложения общеземского съезда ноября 1904 г. и нежелание согласиться хотя бы на промежуточный вариант П.Д. Святополк-Мирского о включении в состав Госсовета выборных от земств и городов оборвали попытку наладить диалог между либеральным общественным движением и либеральными реформаторами в правительстве. Кризис легитимности самодержавной власти осложнился кризисом политического участия (точнее – практическим неучастием) общества в поиске выходов из критической ситуации. Политический процесс 1904 – начала 1905 г. определяли углубляющаяся внутренняя амбивалентность, разноречивость и усиливающаяся нестабильность режима. Власть, испытывая политическую фрустрацию, колеблется между двумя тактиками: линией на всеобщее подавление оппозиции путем насилия и курсом на признание существования оппозиции (или ее части), фактически спонтанно сочетая вынужденные поэтапные уступки с по-

пытками демонстрации силы. Январская трагедия 1905 года, вызвавшая бурю возмущения в обществе, показала безнадежность и гибельность первой линии. В правительственных кругах вновь обострилась борьба вокруг проблемы неизбежных реформ. Однако общество и правительство по-разному видели главные компоненты политических реформ. Если общественное движение (как эволюционисты, так и революционеры) добивалось законодательного народного представительства и разделения властей, то министры выдвинули на первое место идею введения сильного объединенного правительства (под руководством председателя кабинета), которое смогло бы взять на свой контроль и подготовку вопроса о введении элементов выборности в политическую систему. В условиях нарастания кризиса и всеобщего падения авторитета власти идея объединенного (но не пользующегося доверием общества) правительства в отрыве от идеи ограничения самодержавия выборным представительством отражала лишь претензии высшей бюрократии на более высокий статус. Такая усеченная модель модернизации не могла быть политически эффективной в обстановке обвальная дестабилизации. Она, однако, устраивала императора, полагавшего, что сохранение власти и порядка возможно лишь при проведении частичных реформ.

18 февраля 1905 г. Николай II подписал три документа. Первый – Манифест, осуждающий попытки “разрушить существующий государственный строй и, вместо него, учредить новое управление страной на началах, Отечеству нашему несвойственных” [60, с. 28], и призывающий общество к содействию властям в восстановлении порядка. Второй – Рескрипт на имя нового министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором впервые прозвучала идея “привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предложений” [60, с. 30]. Одновременно был опубликован Указ Сенату, разрешивший принимать от представителей различных слоев населения прошения с проектами “усовершенствования государственного благоустройства” [60, с. 26-27]. Эти документы впервые в России легализовали идею

привлечения выборных представителей к обсуждению общеимперских вопросов и приглашали к диалогу проправительственные силы в обществе. Они также отразили колебания монарха и властной элиты в оценке событий и выработке способов противодействия развитию революционных событий. Однако обещанные в документах нововведения не имели ни рамочных принципов, ни структурных схем, ни сроков обсуждения, а тем более – практической реализации.

Разработка и обсуждение планов государственных новаций доверялось консервативной бюрократии (чиновникам министерства внутренних дел и Сената). Объективно в тот момент эти силы не были способны спланировать серьезные изменения политического строя, которые бы привели к разделению власти и поставили бы исполнительную власть под контроль общества и его выборных представителей. Уже в ходе февральских совещаний (1905 г.) императора с высшими чиновниками проявилось стремление власти оттянуть время и сконструировать (в крайнем случае) “эрзац-представительство”, полномочия которого ни в коей мере не ограничивали бы самодержавие. Первоначально властной элитой рассматривались лишь безопасные для абсолютной монархии варианты: разового приглашения выборных для консультаций по отдельным вопросам, введения выборных в состав Госсовета (или его департаментов и комиссий) или Земского собора (сословного представительства). При этом основной задачей ставилось недопущение “пересадки” в Россию двух европейских новаций, якобы чуждых “русской почве и духу”: конституции и парламента.

Традиционалистски мыслящей высшей элите и самому монарху казались убедительными схемы, отрицающие как общность основных путей политического развития России и Европы, так и возможность создания в России выборных законодательных институтов парламентского типа. Отправными точками этих построений были суждения об отсутствии в России феодализма и существовании с древности постоянного доверия русского народа к своим монархам, тогда как существовавший в Европе феодализм сопровождался постоянным

недоверием народа и правительства, политическим продуктом которого стал европейский правовой конституционный порядок. Тем более, отрицался капиталистический строй и буржуазный правопорядок, политическим регулятором которого выступали принципы конституционализма и парламентаризма.

Соглашаясь на идею совещательного представительства, консерваторы в ходе заседаний Совета министров 3 и 11 февраля 1905 года ссылались на якобы самобытную российскую традицию привлечения властью для совещаний в помощь Боярской думе выборных “совестных” сведущих людей, которые, как и земские соборы, нисколько не стесняли свободной воли российских самодержавцев. Игнорируя логику, идеологи самодержавия не видели аналогий европейских и российских сословно-представительных органов, не признавали закономерностей их трансформации в парламентские институты, предполагали, что российское совещательное представительство можно институализировать в XX веке в архаичной форме, не затрагивающей системных основ самодержавной модели власти. Поэтому в случае создания такого представительства для регулирования состава представителей выборы должны были носить сословный характер, а для ограничения общеполитического значения представительства предполагалось распределение депутатов по конкретным комиссиям и подкомиссиям [15, с. 88-93, 116].

В поиске невыполнимой сверхзадачи примирить идеи народного представительства и самодержавия “булыгинская” комиссия по выработке формы участия выборных в государственных делах попыталась собрать воедино все возможные ограничения и сдержки как в системе выборов, так и в модели совещательного собрания. Были использованы собранные после 18 февраля 1905 г. в Сенате консервативные проекты. Один из составителей первоначально проекта, чиновник министерства иностранных дел, а затем заместитель министра и Статс-секретарь С.Е. Крыжановский при подготовке нового положения решил взять за образец проект учреждения Думы М.М. Сперанского, отмечая как положительное и необходимое качество “его довольно сложную регламентацию и под-

разделения” и “ограничение роли общих собраний с их неизбежной риторикой” [61, с. 34].

Продолжение в следующем номере.

Литература:

1. Алексеев А.А. К учению о парламентаризме. – СПб., 1908.
2. Герье В.И. Вторая дума. – М., 1907.
3. Герье В.И. Значение третьей Думы в истории России: Ч. I. – СПб., 1912.
4. Герье В.И. Первая русская Государственная дума: Политические воззрения и тактика ее членов. – 2-е изд. – М., 1906.
5. Дан Ф. Общая политика правительства и изменения в государственной организации в период 1905–1907 гг. // Общественное движение в России в начале XX-го века. Т.IV. Ч. I, Кн.6. – СПб., 1911. – С. 279–392, Т.IV. Ч. II, Кн.7. – С. 1–148.
6. Ковалевский М.М. От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: В 3 т. – М., 1905-1906.
7. Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. – СПб., 1905.
8. Котляревский С.А. Конституционное государство. Опыт политико-морфологического обзора. – СПб., 1907.
9. Милюков П.Н. Политические партии в Государственной думе за пять лет // Ежегодник газеты «Речь». 1912. – СПб., 1912.
10. Пилленко А. Русские парламентские прецеденты. – СПб., 1907.
11. Сватиков С.Г. Общественное движение в России (1700-1895): Ч. I. – Ростов-на-Дону, 1905.
12. Шалланд Л.В. Русское государственное право. – Юрьев, 1908.
13. Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. – М., 1906.
14. Власть и реформы: от самодержавной к Советской России. – СПб., 1996.
15. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. – СПб., 1991.
16. История буржуазного конституционализма XIX века. – М., 1986.
17. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. – Л., 1984.
18. Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX века. – М., 1989.
19. Бертолисси С. Введение к изучению конституционных проектов в России XVIII-XIX вв. // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX века. – М., 2000. – С.79-94.
20. Голубева Е.И. Представительное учреждение в системе государственного управления России: (Начало и конец XX в.: Сравнительный анализ). – М., 1995.
21. Демин В.А. Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. – М., 1996.
22. История парламентаризма в России (к 90-летию I Государственной думы): Сб. науч. ст.: Ч. I. – СПб., 1996.
23. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная дума и ее депутаты. 1906–1917. – Пермь, 1995.
24. Кошкидько В.Г. Представительская власть в России: формирование и функционирование (1905–1907). – М., 2000.
25. Малышева О.Г. Думская монархия: рождение, становление, крах: Ч. I-II. – М., 2001-2003.
26. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. – М., 1998.
27. Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX века. – М., 2000. – С.95-166.
28. Представительная власть в России: история и современность. – М., 2004.
29. Русский конституционализм в период думской монархии. – М., 2003.
30. Рыбка О.Ю. Российская дума в системе власти в начале XX века. – М., 2001.
31. Рыбкин И.П. Государственная Дума: пятая попытка. Очерк новейшей истории представительной власти в России. – М., 1994.

32. Сахаров А.Н. Конституционные проекты и цивилизационные судьбы России // Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX века. – М., 2000. – С. 9-78.
33. Селунская Н.Б., Бородкин Л.И., Григорьева Ю.Г., Петров А.Н. Становление российского парламентаризма начала XX века. – М., 1996.
34. Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. – М., 1998.
35. Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. – М., 1996.
36. Правительственный вестник. – 1895. 19 января. – № 14.
37. Победносцев К.П. Франция: взгляд на теперешнее состояние // Гражданин. – 1873. – № 35. – С.939-942.
38. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1992.
39. Новик Н.Д. Современные конституции и Положение о Государственной думе. – М., 1905.
40. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. – 1905. – № 85. – С.469-507.
41. Новгородцев П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. – 1904. – № 74. – С.397-450.
42. Ostrogorsky M. La democratie et l'organisation des parties politiques. – Paris, 1898 (Рус. пер.: Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. Т.1-2. – М., 1927.).
43. Кареев Н.И. Исторический очерк представительных учреждений в Западной Европе // Конституционное государство. – 2-е изд. – СПб., 1905. – С.1-40.
44. Дживелегов А.К. Конституция и гражданские свободы // Там же. – С.41-73.
45. Рейснер М.А. Основные черты представительства // Там же. – С.121-178.
46. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Там же. – С.179-252.
47. Водовозов В.В. Внутренняя организация и делопроизводство парламентских палат // Там же. – С.317-347.
48. Котляревский С.А. Система двух палат // Там же. – С.272-316.
49. Гессен В.М. Теория правового государства // Политический строй современных государств. – М., 1905. – Т.1. – С.117-187.
50. Дружинин Н.П. Избиратели и народные представители. – М., 1906.
51. Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры: Т.3. – СПб., 1903.
52. Покровский М.Н. Земский собор и парламент // Политический строй современных государств. – М., 1905. – Т.1. – С.431-459.
53. Шершеневич Г.Ф. Земский собор. – Казань, 1905.
54. Якушкин В.Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. – М., 1906.
55. Алексеев А.С. Манифест 17 октября 1905 года и политическое движение его вызвавшее // Юридический вестник. – 1915. – Кн. XI (III).
56. Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985.
57. Основной Государственный закон Российской империи. Проект русской конституции, выработанный группой членов «Союза Освобождения». – Париж, 1905.
58. Дневник Е.А. Святополк-Мирской за 1904-1905 гг. // Исторические записки. – 1965. – Т.77.
59. Витте С.Ю. Воспоминания. – М., 1960. – Т.2.
60. Законодательные акты переходного времени. 1904-1906 гг. Сборник законов, манифестов, указов Правительствующему сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитно-предметного указат. / Под ред. Н.И. Лазаревского. – Изд.2-е. – СПб., 1907.
61. Крыжановский С.Е. Воспоминания: Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего статс-секретаря Российской империи. – Берлин, 1938.

The Idea of Representation of People in Russia in 1904-1905: from De-liberative to Legislative Pattern

The article refers to actual problem of adaptation and application of the ideas of representation of people in political and legal system of the beginning of the XX century. Contemporary scientific conceptualization of contents and genesis of the first Russian Parliament – State Duma – gives an opportunity of deep understanding of Russian parliamentarism phenomenon in the context of Russian political process and lawmaking. The author focuses attention on the interrelation of domestic traditions of political-legal thought and European parliamentary experience in the process of lawmaking. The article discovers the active participants of this processes and peculiarities and characteristic features of electoral system and competence of representation of people.

